

К вопросу о непосредственном объекте преступлений,
закрепленных в ст. 301 УК РФ.

Ю. П. Попова,
Старший преподаватель кафедры
Уголовного права и криминологии
ИГиП ТюмГУ

В числе задач УК РФ называется охрана прав и свобод человека и гражданина от преступных посягательств (ч. 1 ст. 2 УК). Эти ценности в литературе именуются объектами уголовно-правовой охраны. Учение об объекте уголовно-правовой охраны в науке уголовного права является одним из наиболее важных и сложных.

Объектом, по определению С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, необходимо признавать «явление, предмет, на который направлена чья-нибудь деятельность, чье-нибудь внимание»¹. В нашем случае речь идет об объекте, на который направлена охранительная деятельность государства с использованием специфических уголовно-правовых средств и которому причиняется существенный вред преступным деянием, или он ставится в опасность причинения такого вреда.

УК РФ в ч. 1 ст. 2 определяет круг благ, представляющих ценность и нуждающихся в уголовно-правовой охране. К ним закон относит права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, окружающую природную среду, конституционный строй Российской Федерации. Исходя из принятой вертикальной классификации, данные ценности определяют круг родовых объектов уголовно-правовой охраны.

Родовым объектом преступлений, закрепленных в разделе X УК РФ «Преступления против государственной власти», выступают основы государственного строя и безопасности государства, нормальное функционирование государственных органов, относящихся к различным ветвям власти, а также

интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления, являющихся компонентом (составной частью) большой группы общественных отношений, обеспечивающих легитимность, нормальное существование и функционирование государственной власти в Российской Федерацииⁱⁱ.

В связи с тем, что Уголовный кодекс РФ структурным элементом разделов рассматривает главы, включающие преступления, посягающие на сходные группы общественных отношений, правомерно выделение, помимо родового, видового объекта, как это предлагалось в 60-ых годах прошлого века Е. А. Фроловым. По мнению Е. А. Фролова, с которым мы вполне согласны, выделять подгрупповой (видовой) объект необходимо и тогда, когда внутри большой группы родственных отношений, заслуживающих единой, комплексной уголовно – правовой охраны, можно различить более узкие группы отношений, определяющих один и тот же интерес участников этих отношений или же выражающих некоторые тесно взаимосвязанные интересы одного и того же объектаⁱⁱⁱ. Видовой объект выделял и Н. И. Коржанский^{iv}.

В рамках отмеченного нами родового объекта выделяется специфическая группа общественных отношений, обеспечивающих нормальное функционирование (или деятельность) органов правосудия. В юридической литературе его принято считать видовым объектом рассматриваемых преступлений.

Изначально понятие правосудие являлось процессуальным. По мнению криминалистов, «правосудие – это форма государственной деятельности по рассмотрению и разрешению судом уголовных и гражданских дел»^v.

В соответствии со ст. 118 Конституции РФ, правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства^{vi}. Однако совершенно очевидно, что суд не в состоянии самостоятельно выполнить возложенные на него обязанности и решить поставленные в законе задачи. Полнокровная деятельность суда возможна лишь при тесном взаимодействии и неразрывной связи с органами предварительного следствия, дознания, прокуратурой, а также иными органами, содействующими

осуществлению правосудия судом. Интересы правосудия заключаются в том, чтобы деятельность органов правосудия увенчалась установлением истины по рассматриваемому делу, а применяемые меры государственного принуждения (если в этом имеется необходимость), отвечали бы задачам правосудия, указанным в законе.

Уже в 70-е годы в уголовно-правовой литературе отмечалось, что понятие правосудия нельзя сводить лишь к деятельности суда. Так, Власов И. С. и Тяжкова И. М. полагали, что под правосудием «надо понимать не только деятельность судов, но и предварительное расследование дел, исполнение приговоров и решений, т. е. систему действий, составляющих уголовный или гражданский процесс»^{vii}. Рашковская Ш. С. дополняет, что понятием правосудия охватывается также и деятельность суда по рассмотрению дел об административных правонарушениях, поскольку и здесь суд исследует и устанавливает фактические обстоятельства дела и, применяя соответствующие нормы административного права, выносит определение о признании лица виновным или невиновным в совершении данного правонарушения и применении к виновному определенной меры административного воздействия^{viii}. А в 1991 году Верховный суд РСФСР подтверждает мнение Рашковской Ш. С., рассматривая дело М., обвиняемой в оскорблении судьи при разрешении дела об административном правонарушении. Верховный суд квалифицирует действия М. по ст. 176-3 УК РСФСР, признавая рассмотрение дела об административном правонарушении деятельностью судьи по осуществлению правосудия^{ix}.

Важной чертой деятельности, в которой интересы правосудия преломляются, является особая ее форма. «Процессуальная форма - это не пустая формальность, это - необходимое условие правильного расследования и разрешения уголовных дел»^x. Таким образом, вся деятельность, направленная на осуществление задач правосудия, протекает в процессуальной форме.

Это означает, что деятельность суда, как и предшествующая ей деятельность иных органов, содействующих правосудию, происходит в определенном, законом предписанном порядке, путем совершения последовательного ряда ак-

тов по раскрытию преступления или собиранию достаточных материалов для последующего рассмотрения их судом в уголовном или административном производстве и наказанию виновного с соблюдением необходимых гарантий. Процессуальная форма данной деятельности предопределяет использование при рассмотрении дела качественных доказательств, что служит установлению истины по делу и охране прав граждан, привлекаемых к делу в том или ином качестве. В этой связи понятие «правосудие» следует рассматривать в узком и в широком смысле. При этом правосудие в собственном (узком) смысле слова означает конкретную сферу реализации функций суда: рассмотрение конституционного, административного, уголовного или гражданского дела по существу и вынесение по нему решения (приговора). Понятие же правосудия в широком смысле охватывает помимо деятельности суда еще реализацию функций органов, призванных содействовать осуществлению правосудия.

Таким образом, уголовное право термин «правосудие» использует в главе 31 УК РФ для определения однородной группы общественных отношений, подлежащих самостоятельной правовой защите. Поскольку ущерб данной судебной деятельности может наноситься не только непосредственным на нее воздействием, то термином «правосудие» при характеристике видового объекта уголовно-правовой охраны объединяются и общественные отношения, которые нарушаются в ходе деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и других органов, обеспечивающих правомерное функционирование суда. Расширенное содержание этого понятия, хотя и не соответствует буквальному его толкованию, вытекающему из положений Конституции РФ, однако данный термин как никакой иной определяет ту специфическую сферу государственной деятельности, которая подлежит самостоятельной уголовно-правовой защите, и поэтому его использование в теории и уголовном законодательстве представляется оправданным. При этом объектом уголовно-правовой охраны могут быть не любые общественные отношения, возникающие в ходе деятельности органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры и иных органов, а только те, которые имеют место в связи с содей-

ствием данных органов суда. Если деятельность отмеченных органов не связана непосредственно с содействием правосудию, т. е. не выражена в расследовании уголовных дел или обеспечении административного производства, а проявляется в выполнении иных предусмотренных законом функций (например, по охране общественного порядка), то в последнем случае нельзя говорить, что объектом выступают общественные отношения, возникающие по поводу охраны правосудия, так как они не претерпевают негативного воздействия.

Для квалификации преступлений по объекту важное значение имеет классификация объектов «по горизонтали». Она осуществляется на уровне непосредственных объектов. Так, рассматриваемое преступление посягает одновременно на несколько общественных отношений, благ (интересов). В связи с этим в теории уголовного права принято выделять основной объект и дополнительный^{xi}. Основной непосредственный объект тесно связан с родовым и видовым объектами, он находится в плоскости этих объектов. Основной объект – это тот, который в первую очередь охраняется конкретной уголовно – правовой нормой. Он выражает социальную сущность преступного посягательства^{xii}. Дополнительный обязательный объект в отличие от основного объекта не принимался законодателем во внимание при помещении конкретного состава преступления в определенную главу Уголовного кодекса, ибо дополнительный объект лежит в плоскости другого родового объекта, однако он является неотъемлемым признаком состава преступления и наряду с основным объектом влияет на квалификацию. Дополнительному объекту (так же, как и основному) причиняется вред или он ставится под угрозу причинения вреда.

Характерным для анализируемых нами составов преступлений является то, что нормальная деятельность органов правосудия является и видовым, и непосредственным объектом. Иначе говоря, здесь мы имеем их слияние^{xiii}. Однако это слияние не означает полное тождество, поскольку, во-первых, здесь видовой объект юридически лишь частично тождественен основному непосредственному объекту. А, во-вторых, если преступление причиняет вред нескольким непосредственным объектам, имеет сложную внутреннюю структуру,

посягает одновременно на множество ценностей, находящихся в одной «плоскости» и подлежащих защите уголовно-правовыми средствами, то воздействие на себе претерпевают не только видовой (основной непосредственный) объект, но и ряд дополнительных, а иногда и факультативных объектов.

Таким образом, основным непосредственным объектом заведомо незаконного уголовно-процессуального задержания, заключения под стражу или содержания под стражей выступает общественное отношение, содержанием которого является правомерная деятельность органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, осуществляемая на стадии предварительного расследования. Основным непосредственным объектом заведомо незаконного административного задержания является правомерная деятельность органов, содействующих вынесению судом решения в порядке административного производства.

Дополнительным объектом выступают в данных составах личность, ее конституционное право на личную неприкосновенность, физическая свобода человека, гарантированная ст. 22 Конституции РФ, согласно которой «каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов».

Важно акцентировать внимание, что дополнительным объектом являются права и законные интересы любого гражданина независимо от того, совершил ли он в действительности преступление, административный проступок или нет. Поэтому государство защищает как неприкосновенность лица, вообще не совершившего уголовное или административное правонарушение, так и лица, виновного в преступном или административном деянии.

Кроме того, физическая свобода личности, ее неприкосновенность, выступающие здесь как социальные ценности, защищаемы правовыми нормами, предусмотренными анализируемой статьей, не в любой сфере деятельности органов, содействующих правосудию, а также суда, а исключительно при осуществлении функций уголовного или административного судопроизводства.

Иная деятельность, связанная с лишением свободы, не является объектом охраны рассматриваемой нормы права. Поэтому заведомо незаконное задержание граждан должностными лицами правоохранительных и иных органов, осуществленное по иным основаниям, не охватывается диспозицией ч. 1 ст. 301 УК РФ.

Так, если заведомо незаконное административное задержание было произведено компетентным должностным лицом в целях обеспечения административного производства, осуществляемого иными органами, нежели судьей, то содеянное необходимо квалифицировать как злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Если это же деяние совершено, хотя и должностным, но не уполномоченным лицом, то квалифицировать нужно как превышение должностных полномочий (ст. 286 УК). Если посягнуло на личную свободу человека не должностное лицо, содеянное требует квалификации как незаконное лишение свободы (ст. 127 УК).

Следует подчеркнуть, что для признания содеянного оконченным преступлением необходимо установить обе составные части объекта этого преступления. Если в результате умышленного действия обвиняемого человек фактически лишился свободы, этого еще недостаточно, чтобы признать его виновным в заведомо незаконном задержании (заключении под стражу или содержании под стражей), т. к. необходимо выяснить, нарушены ли общественные (правовые) отношения, охраняющие свободы человека. Ведь посягательство на свободу человека может быть и правомерным действием.

В юридической литературе выделяют также так называемый факультативный объект, под которым понимается совокупность общественных отношений, интересов, благ, ценностей непосредственно не указанных в уголовно-правовой норме, но претерпевающих воздействие со стороны субъекта преступления и подлежащих защите наряду и одновременно с основным и дополнительными объектами, указанными в самой норме. Такими факультативными объектами в рамках анализируемых составов могут выступать жилищные, трудовые, имущественные интересы граждан, честь и достоинство, здоровье и да-

же жизнь граждан и иные интересы и блага личности^{xiv}.

Следует сказать, что принятая в юридической литературе классификация объектов, здесь приведенная, является условной. Установление видового и родового объектов «имеет своей целью идентифицировать преступление в пределах Особенной части УК...»^{xv}.

В специальной литературе ранее уже отмечался двойственный характер непосредственного объекта заведомо незаконного задержания или заведомо незаконного заключения под стражу, а также заведомо незаконного содержания под стражей^{xvi}. Но впоследствии эта позиция не была поддержана. Изучая монографическую литературу по рассматриваемому вопросу, мы столкнулись с множеством различных концепций на указанный предмет.

Большинство исследователей^{xvii} анализируемой проблемы полагают, что основным объектом рассматриваемой группы преступлений является предусмотренный законом порядок применения мер государственного принуждения, т. е. интересы правосудия. В качестве дополнительного объекта ими называются такие блага, как личная свобода человека, его неприкосновенность и иные интересы.

Оспаривает устоявшуюся в теории уголовного права трактовку основного непосредственного объекта Н. Р. Фасхутдинова. В своей работе она подвергает конструктивной критике подход законодателя в определении приоритетного объекта посягательства преступления, предусмотренного ст. 301 УК РФ, и высказывает убеждение в том, что именно нарушение личной неприкосновенности граждан является основным объектом данного деяния^{xviii}.

Чтобы прийти к консенсусу в этом вопросе, на наш взгляд, необходимо обратиться к учению о составе преступления и общей теории квалификации преступлений.

Учению о составе преступления в свое время уделял большое внимание известный ученый-криминалист А. И. Трайнин. Рассматривая объект преступления как элемент состава, он указывал, что «в сложных составах, для которых характерно наличие двух объектов, одно конкретное посягательство бьет одно-

временно по двум объектам»^{xix}. Отнесение составов с бланкетной диспозицией к категории простых не смущает нас, потому что такая группировка условна, поскольку бланкетные диспозиции - это лишь прием законодательной техники построения уголовно-правовой нормы, которая может ставить под охрану и один, и два объекта, а порой и целую группу отношений. Причем отметим, что анализируемые отношения могут быть объектом охраны не одной, а двух отраслей права^{xx} или даже нескольких.

В. Н. Кудрявцев обращает свое внимание на то, что почти каждое преступление посягает не на одно, а на несколько смежных общественных отношений; при этом каждый объект преступного посягательства имеет сложную внутреннюю структуру. Поэтому приоритет в определении основного объекта он видит в процессе создания уголовно – правовых норм, определяющих круг возможных субъектов преступлений, и в других признаках состава^{xxi}.

Куринов Б. А. считает, что «непосредственный объект должен раскрывать социально – правовую сущность преступления». «Дополнительный объект помогает отграничить преступление от других смежных составов, способствует правильному решению вопроса о возможности квалификации деяния по совокупности преступлений, учитывается при назначении наказания и разрешении вопроса о возмещении причиненного ущерба». «При выделении определенной группы общественных отношений в качестве основного непосредственного объекта посягательства необходимо, - говорит он, - исходить из следующих требований: какое из группы затронутых преступлением общественных отношений является наиболее важным, какому общественному отношению причинен наиболее существенный ущерб, а также какой вид общественных отношений всегда при совершении данного вида преступления терпит ущерб»^{xxii}.

Его точку зрения развивает в своей монографии Г. П. Новоселов: «... в большинстве составов многообъектных преступлений при определении основного объекта решающее значение имеет не столько сравнительная ценность причиняемого вреда, сколько то, насколько он дает возможность вычленив четкую юридическую дефиницию данного состава преступления». И далее: «Не

сравнительная ценность объектов, а их конструктивная значимость для построения состава обычно служит в качестве решающего соображения для признания того или иного объекта основным или дополнительным»^{xxiii}.

Опираясь на мнение ученых в оспариваемом вопросе, заметим лишь, что деление «по горизонтали» объекта на основной, дополнительный и факультативный используется законодателем лишь при конструировании уголовно – правовых норм Особенной части УК и поэтому является лишь приемом законодательной техники построения уголовно-правовой нормы. Предложенная классификация объектов несколько не умаляет свободы человека как конституционного права, признанного высшей ценностью в международном и внутреннем праве, над интересами правосудия, условно названного в качестве основного непосредственного объекта в исследуемых составах преступления. Мы полагаем, что в связи «подозреваемый (обвиняемый) - орган правосудия» нельзя отдавать предпочтение одному из этих объектов уголовно-правовой охраны. Государство не оставляет без внимания права гражданина и в том случае, когда он вовлечен в уголовный или административный процесс, подозревается либо обвиняется в совершении преступления либо административного правонарушения. Человек должен быть уверен, что даже при совершении им правонарушения в отношении него будут применены меры государственного принуждения на основании закона при строгом соблюдении процессуальных форм.

Изложенные выше аргументы в пользу двойственного характера непосредственного объекта заведомо незаконного задержания, заключения под стражу или содержания под стражей позволяют предложить такое *определение объекта заведомо незаконного задержания, заключения под стражу и содержания под стражей: это общественные отношения, в содержание которых входит правомерная деятельность органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, а также иных органов, содействующих правосудию по применению уголовно-процессуального задержания, заключения под стражу и содержания под стражей как мер уголовно-процессуального принуждения на стадии предварительного расследования уголовного дела и административного задержания*

как меры обеспечения административного производства, осуществляемого судом, по поводу охраны конституционного права подозреваемого и обвиняемого на личную свободу и неприкосновенность личности, провозглашаемых международными актами в области прав человека, Конституцией РФ и другими нормативными актами.

-
- ⁱ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. - 4-е изд., доп. - М.: Азбуковник, 1999. - С. 441.
- ⁱⁱ Рагоз А. И. В кн.: Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. Здравомыслова Б. В. - М.: Юристъ, 1996. - С. 360.
- ⁱⁱⁱ См.: Фролов Е. А. Спорные вопросы учения об объекте преступления // Сборник ученых трудов. Выпуск 10. - Свердловск, 1968. - С. 203 - 204.
- ^{iv} См.: Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно - правовой охраны. - М., 1980. - С. 73.
- ^v См.: Бажанов А. Т. Понятие социалистического правосудия // Ученые записки Казанского университета. - Казань, 1961. - С. 21 - 25; Семенов В. М. Суд и правосудие в СССР. - М., 1976. - С. 20 - 21; Мартынич Е. Г. Социалистическое правосудие: предмет, правоотношения, функции и социальная роль // Правоведение. - 1990. - № 2. - С. 34.
- ^{vi} Статья 1 Федерального конституционного закона РФ «О судебной системе Российской Федерации» от 31. 12. 96 г. № 1-ФКЗ (в ред. ФКЗ РФ от 15. 12. 01 г. № 5-ФКЗ). // Правовая система «Консультант» (<http://www.consultant.ru>).
- ^{vii} Власов И. С., Тяжкова И. М. Преступления против социалистического правосудия. - М, 1968. - С. 31.
- ^{viii} Рашковская Ш. С. Преступления против правосудия. Учебное пособие. - М., 1978. - С. 6.
- ^{ix} См. Бюллетень ВС РСФСР. - 1991. - № 6. - С. 11.
- ^x Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. - М.: Изд-во АН СССР, 1958. - С. 58.
- ^{xi} См.: Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. - М., 1984. - С. 66; Мальхин В. И. Квалификация преступлений. Теоретические вопросы. - Куйбышев, 1987. - С. 29 - 30.
- ^{xii} Черненко Т. Г. Квалификация преступлений. Вопросы теории. - Кемерово, 1998. - С. 20.
- ^{xiii} Смирнов Е. А. Преступления против социалистического правосудия. - М, 1959. - С. 5.
- ^{xiv} Чучаев А. И. Преступления против правосудия. Научно-практический комментарий. - Ульяновск, 1997. - С. 383; Кондрашова Т. В. Комментарий к ст. 301 УК РФ // Уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов / Под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новоселова. - М., 2001. - С. 796.
- ^{xv} Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. - М., 1984. - С. 66.
- ^{xvi} Черных И. М. Преступления против социалистического правосудия: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 1963. - С. 9.
- ^{xvii} См., напр., Рашковская Ш. С. Преступления против правосудия. Учебное пособие. - М., 1978. - С. 4 - 6; Чучаев А. И. Преступления против правосудия. Научно - практический комментарий. - Ульяновск, 1997. - С. 5; Лобанова Л. В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. - Волгоград: ВГУ, 1999. - С. 30 - 31 и др.
- ^{xviii} Фасхутдинова Н. Р. Уголовно-правовая охрана личной неприкосновенности от заведомо незаконных задержания, заключения под стражу и содержания под стражей. Автореф. Дисс. ... канд. Юрид. наук. - Ростов-на-Дону, 1999. - С. 9 - 10, 13 - 14.
- ^{xix} Трайнин А. И. Общее учение о составе преступления. - М., 1957. - С. 115.
- ^{xx} Беляева П. В. Бланкетные диспозиции в советском уголовном праве и их применение: Автореф. Дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 1984.
- ^{xxi} См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. - М.: Юрист, 2001. - С. 137.
- ^{xxii} См.: Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. - М., 1984. - С. 61, 66 - 67.
- ^{xxiii} Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. - М., 2001. - С. 64 - 65.